

ВѢСТНИКЪ ВИЛЕНСКАГО ПРАВОСЛАВНАГО СЪ ДУХОВСКАГО БРАТСТВА

1 Августа 1916 г.
№ 8.

Двухнедѣльный журналъ религ.-нрав. и церк.-общ. жизни Сѣв.-Зап. края,
съ приложеніемъ „Литов. Епарх. Вѣд.“
Адресъ Редакціи: Москва, Даниловъ монастырь.

Изд. 10 годъ.

С о д е р ж а н і е № 8:

1. «Вся, елика аще воспросите въ молитвѣ вѣрующе, пріимете» 70—72
2. Посѣщеніе Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Андреемъ Владимировичемъ
Глубокскаго храма и братскаго кладбища. 72
3. С. Григоровичи, Вилен. губ. Свящ. П. Анопъ 73
4. По школамъ въ мѣста эвакуаціи. Свящ. І. Шевалеевскій 73—76

При семъ № прилагаются «Литовскія Епархіальныя Вѣдомости» № 8-й 1916 года.

Вся, елика аще воспросите въ молитвѣ вѣрующе, приимете. (Мѡ. 21, 22).

(Окончаніе).

Но присмотримся поближе къ этому предмету. Гдѣ можно искать и найти осязательное и убѣдительно свидѣтельство о дѣйствительности нашей молитвы, о томъ, что она не остается безъ отвѣта для насъ? Конечно, въ области опыта, въ жизни тѣхъ лицъ, которыя умѣютъ молиться, и которыя въ этомъ дѣлѣ могутъ быть лучшими судьями. Съ полнымъ довѣріемъ можно отнести къ такимъ лицамъ, любящимъ истину, непривычнымъ къ лести и лжи.

И вотъ если спросить ихъ: дѣйствительна ли ихъ молитва? Имѣли ли они отвѣтъ на нее отъ Господа? Можно быть увѣреннымъ, что всѣ они въ одинъ голосъ скажутъ: да, имѣли; пусть не слышали и не видѣли его другіе люди, но ихъ сердце восприняло этотъ отвѣтъ. Пусть наружно, видимо для другихъ, все осталось по старому, пусть даже болѣе сгустились надъ ними тучи бѣдствій, но они скажутъ вамъ, что въ этой внѣшней сторонѣ ихъ жизни они научились познавать и различать до самыхъ мелкихъ подробностей тайное, но тѣмъ не менѣе дѣйствительное проявленіе воли Промыслителя, заставляющаго ихъ проходить школу жизни, не ими избранную. Вѣрують они, что Господь Промыслитель для ихъ же блага поставяетъ преграду ихъ естественнымъ склонностямъ, полагаетъ непреодолимыя препятствія на пути намѣченныхъ ими плановъ, спасая ихъ отъ соблазновъ, такъ не рѣдко губящихъ человѣка. Болѣе того. Они вамъ скажутъ, что въ кажущемся неслышаніи ихъ молитвы доказательства Божественнаго о нихъ промысленія становились до того для нихъ очевидными и осязательными, что невольно вызывали у нихъ слезы умиленія и благодарности.

Но развѣ всегда слѣдствія молитвы бываютъ скрыты, явны только предъ душевными очами молящихся? Бываютъ нерѣдко очевидны дѣйствія молитвы въ жизни обыденной, тѣмъ болѣе бываютъ они ясны въ событіяхъ широкаго, міроваго значенія. Почти 2000 лѣтъ назадъ въ Сіонской горницѣ первые ученики Христовы молились о будущихъ судьбахъ церкви, представляя себѣ, какъ весь міръ будетъ побѣжденъ вѣрою, которой они были свидѣтелями. Странною могла казаться эта молитва горсти Галилеянъ въ глазахъ ихъ современниковъ, но она имѣла свое дѣйствіе, и теперь никто уже не по-

смѣетъ сказать, что они ошибались: эта молитва повторяется уже миллионами вѣрующихъ во всѣхъ концахъ міра. А сколько подобныхъ примѣровъ услышанныхъ молитвъ представляютъ намъ исторія церкви и житія св. угодниковъ Божіихъ! Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ. Буря застигла св. Николая съ другими пловцами на пути въ Палестину. Помолился усердно Угодникъ Божій, и Господь услышалъ молитву праведника: буря утихла и опасность миновала.—Отъ сильныхъ жаровъ изсякли всѣ источники и колодцы близъ мѣста подвиговъ Св. Евѡмія Великаго, основателя Лавры при потокѣ іерихонскомъ. Окрестные жители молили его испросить у Господа дождь. Св. Евѡмій съ братією воззвалъ ко Господу и внезапно пролился дождь съ громомъ и молніей, оживившій лице земли, какъ нѣкогда по гласу пророка Іліи.—На одинъ изъ острововъ Аѡнской лавры напала саранча, истреблявшая всю растительность. Св. Аѡнасій отправился на этотъ островъ, совершилъ тамъ прилежную молитву и тотчасъ налетѣло столько птицъ, что они въ одинъ день истребили всю саранчу.—Жители г. Устюга слезными молитвами предъ иконою Богоматери спаслись отъ каменной тучи, готовой разразиться надъ городомъ.—Св. Александръ Свирскій, въ началѣ своего ученія непонятливый, послѣ усердной молитвы въ храмѣ сталъ преуспѣвать въ Божественномъ ученіи... Всякій внимательный къ совершающимся событіямъ не мало видитъ и нынѣ поразительныхъ случаевъ дѣйственности усердной молитвы къ Господу. За текущее время войны, время особеннаго подъема религіознаго духа, такіе примѣры стали еще болѣе частыми. Сколько напр. бывало газетныхъ извѣстій о томъ, какъ молитвы близкихъ лицъ, особенно молитвы матери и ея благословеніе чудеснымъ образомъ сохраняли жизнь воиновъ на полѣ брани среди, казалось, неминуемой смертной опасности...

Такъ, не только въ дѣлахъ спасенія, но и въ обычныхъ житейскихъ дѣлахъ молитва одинаково можетъ быть дѣйствительна. И блаженъ, кто имѣетъ твердую вѣру и умѣетъ молиться горячо; онъ безопасенъ въ путяхъ своихъ: молитва оградить, утѣшить и утвердить его.

Но инымъ м. б. хотѣлось бы, чтобы молитва всегда дѣйствовала видимымъ образомъ и своею, такъ сказать, очевидностью уничтожала бы всякое сомнѣніе. Желаніе необдуманное и пагубное. Тогда всѣ, конечно, пожелали бы быть христіанами, всѣ стали бы молиться, но по какимъ побужденіямъ? Конечно, только изъ-за корысти. Какъ, въ самомъ

дѣлъ, не молиться тому Богу, который тотчас отвѣчаетъ на призывъ и Своихъ избранныхъ окружаетъ немедленнымъ и видимымъ покровительствомъ! Возликовали бы тогда всѣ корыстолюбцы и лихоимцы, въ полномъ благополучіи совершающіе земной свой путь, надѣющіеся, по молитвѣ, получить награду и на небѣ. Нѣтъ болѣе скорбей, горя, лишеній... Такъ желали бы иные... Но не такъ восхотѣлъ Господь. Онъ никогда не обѣщалъ вѣрующимъ въ Него видимаго избавленія. Повидимому, Онъ отдалъ ихъ въ волю обстоятельствъ: удручаемые, какъ и прочіе смертные, они часто страдаютъ даже больше другихъ. Но подъ этою видимою случайностью вѣрныя рабы Божіи чувствуютъ благодѣющую Божественную десницу. Озаряемые вѣрою, окрыляемые надеждою, они твердо идутъ указываемымъ имъ Богомъ путемъ, и подъ этою суровою дисциплиною вырабатывается у нихъ самое великое и прекрасное на землѣ—любовь. Эта любовь безкорыстно служитъ Богу, ничего для себя не заискиваетъ и способна доходить до величайшаго самоотверженія. Суровое воспитаніе выпадаетъ нерѣдко на долю истинныхъ молитвенниковъ, но оно и научаетъ лучше распознавать дѣйствія Божественной любви. Сначала казалось имъ, что молитвы ихъ бесплодны, что Господь ихъ не слышитъ. А потомъ они постигли, что онъ слышитъ ихъ, но слышитъ по Своему и уготовляетъ имъ нѣчто лучшее, чѣмъ то, что они у него просили.

Итакъ, непрестанно молись, христіанинъ. Всегда возгрѣвай и поддерживай въ душѣ своей молитвенное настроеніе. Безъ молитвы мертва твоя душа, какъ безъ дыханія мертво тѣло. При всѣхъ дѣлахъ и занятіяхъ ставь себя предъ очами всевѣдущаго Господа и не забывай сказаннаго Спасителемъ: *безъ Мене не можете творити ничесоже* (Іоан. 15, 5). Не смущайся и не ослабѣвай, если видимо не получаешь отвѣта на молитву. Помни, что причина сего не въ Богѣ, а въ тебѣ самомъ. Молись неотступно, зорко вникай въ состояніе твоей души: не омрачена ли она страстью или порокомъ, не поработана ли терніемъ сластей и суеты житейской и всѣми силами старайся высвободить отъ нихъ душу, дабы съ чистымъ сердцемъ молитвенно возвести очи свои «въ горы». И если помогъ тебѣ Господь воспрянуть отъ грѣховнаго усыпленія и укрѣпиться въ молитвенномъ настроеніи, знай, что это есть первый драгоцѣнный благодатный плодъ твоей молитвы.

Молился ли ты о себѣ, или о своихъ присныхъ, молился ли о спасеніи дорогой отчизны своей и о мірѣ всего міра, всегда прежде всего проси Господа, «да исправится молитва твоя, яко кадило» предъ

Нимъ. Какъ осмѣлишься ты ждать скорого отвѣта на молитву, когда, по слову Апостола, ты не знаешь даже, о чемъ молиться, какъ должно (Рим. 8, 26). Тогда только молитва наша достигаетъ престола Божія, когда «самъ Духъ Святой подкрѣпляетъ насъ въ немощахъ нашихъ и ходатайствуетъ за насъ воздыханіями неизреченными» (тамъ же). А благодать Св. Духа даруется только по молитвѣ. «Того (Духа Святаго), Благій, не отыми отъ насъ», молитъ св. Церковь. И благо намъ, если сподобились мы этой небесной благодати. Пусть повидимому и не услышана молитва наша, пусть скорби и невзгоды не покидаютъ насъ, пусть не изгнанъ еще врагъ изъ нашей родины, и она продолжаетъ напрягаться въ борьбѣ и проливать кровь и слезы, но если горяча и неустанна наша молитва, если она не ослабѣвала и при временныхъ неудачахъ на бранномъ полѣ, она не осталась безъ отвѣта: рано или поздно, но узнаемъ мы этотъ отвѣтъ и благословимъ нашу вѣрность Господу, наше твердое на Него упованіе...

Мать блаженнаго Августина, благочестивая Моника, глубоко скорбѣла, видя нечестивую жизнь своего сына. Вотъ онъ рѣшилъ оставить мать и отправиться въ Римъ, этотъ очагъ безнравственности въ то время. Усердно молилась Моника, чтобы Господь воспрепятствовалъ Августину исполнить его пагубное намѣреніе. Но Августинъ, вопреки желанію матери, ночью сѣлъ на корабль и отплылъ въ Италію. Глубоко опечалена была этимъ Моника; она не могла понять, почему Господь не слышалъ ея столь усердной молитвы. Но она ошибалась: Господь слышалъ ее. Въ Италіи Августинъ, подобно евангельскому блудному сыну, впалъ въ великую нужду. Въ такомъ состояніи онъ отправился въ г. Медиоланъ. Тамъ онъ однажды вошелъ въ церковь, въ которой тогда проповѣдывалъ св. Амвросій. Проповѣдь потрясла душу Августина, онъ бросилъ прежній порочный образъ жизни и обратился ко Христу. Этимъ были исполнены всѣ безчисленныя молитвы матери о погибавшемъ сынѣ, хотя послѣдняя ея молитва и казалась оставленной безъ отвѣта. Самъ бл. Августинъ такъ говоритъ объ этомъ: «по непостижимому совѣту Своему Ты, Господи, услышалъ главный предметъ всей молитвы матери моей обо мнѣ: не исполнилъ того, о чемъ она просила Тебя тогда, чтобы исполнить то, о чемъ просила всегда». Вразумительно научаетъ насъ этотъ примѣръ и постоянству въ молитвѣ, и совершенной при этомъ преданности волѣ Божіей...

Вотъ теперъ мы молимся о скорѣйшей побѣдѣ надъ врагомъ. Въ чью либо душу, можетъ быть,

также закрадывается недоумѣніе въ виду кажущейся неуслышанности молитвъ, возносящихся Богу изъ сердець многомилліоннаго русскаго народа. Но да не входятъ такія помышленія въ сердца наши. Мы хотимъ скорѣйшаго окончанія войны, усердно объ этомъ молимъ Господа. А насколько заслужена намъ эта милость Божія? Достигло ли должной степени наше исправленіе, наше нравственное воспитаніе, въ цѣляхъ коего посылаются намъ Господомъ испытанія, каковымъ является и теперешнее вражеское нашествіе? Только ли побѣда надъ врагомъ цѣнна и потребна для насъ, или же и то обновленіе нашей жизни, въ которомъ настоятъ нужда и которое должно послѣдовать за побѣдою? Такіе и подобные неразрѣшимые для нашихъ силъ вопросы невольно возникаютъ... Намъ остается, добросовѣстно используя всѣ Богомъ дарованныя средства разумнія и добраго дѣланія—гдѣ кому указалъ Господь,—въ дальнѣйшемъ предать себя въ волю всеблагаго Господа. *Смиритесь подѣ крѣпкую руку Божію*, говоритъ Св. Апостолъ, *да вы вознесете во время; всю печаль вашу возвергше на нѣ, яко Той печется о васъ* (1 Петр. 5, 6—7).

Посѣщеніе Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Андреемъ Владимировичемъ Глубокскаго храма и братскаго кладбища.

Рапортомъ отъ 3 іюля на имя Его Высокопреосвященства о такомъ посѣщеніи Глубокскій благочинный, священникъ церкви с. Глубокаго, Дисненскаго уѣзда, Николай Игнатовичъ сообщилъ нижеслѣдующее.

Въ 3^{1/2} часа дня 2-го іюля я отправился въ Гвардейское экономическое общество, чтобы сдѣлать нѣкоторыя необходимыя покупки. Подходя къ лавкѣ названнаго общества, я увидѣлъ идущаго на встрѣчу мнѣ Великаго Князя Андрея Владимировича въ сопровожденіи небольшой свиты. Почтительно поклонившись Его Высочеству, я чуть приостано-

вился. Великій Князь подошелъ ко мнѣ, милостиво поздоровался и выразилъ желаніе осмотрѣть нашъ храмъ. Испросивши разрѣшеніе у Великаго Князя сопровождать Его и получивши на это милостивое согласіе, мы вмѣстѣ направились къ храму. По дорогѣ Великій Князь сдѣлалъ фотографическій снимокъ храма. Прибывши въ храмъ, Его Высочество подробно осматривалъ какъ самый храмъ, такъ и алтарную его часть. Обративши вниманіе на размѣры и архитектуру храма, Великій Князь изволилъ замѣтить, что по архитектурѣ нашъ храмъ напоминаетъ соборъ Св. Петра въ Римѣ. Осмотрѣвши храмъ, Великій Князь осмотрѣлъ и погребъ подъ храмомъ. По выходѣ изъ храма Его Высочество остановилъ свое вниманіе и на прудахъ, выкопанныхъ кармелитами; а затѣмъ выразилъ желаніе пройти черезъ церковный садъ на кладбище, чтобы осмотрѣть находящійся тамъ древній памятникъ—въ видѣ столба. На кладбищѣ въ это какъ разъ время собрались казаки для молитвы по своему товарищѣ, умершемъ и погребенномъ въ Глубокомъ на братскомъ кладбищѣ. Покойному казаки поставили памятникъ и еще наканунѣ (1-го іюля) просили меня совершить 2-го іюля панихиду. Его Высочество въ лицѣ собравшихся узналъ своихъ казаковъ: «мои казаки»—замѣтилъ Великій Князь. Узнавъ отъ меня, для какой цѣли собрались казаки, Великій Князь, осмотрѣвши братскія могилы, кладбищенскій храмъ снаружи и древній памятникъ, выразилъ желаніе присутствовать на панихидѣ, послѣ чего мною таковая и была совершена. Во время пѣнія «со святыми упокой» и «вѣчная память» Великій Князь опустился на колѣна. По окончаніи панихиды, Его Высочество произвелъ смотръ своимъ казакамъ и милостиво бесѣдовалъ съ ними, а затѣмъ пѣшкомъ направился въ мѣстечко, гдѣ возлѣ храма Его ожидали лошади. Великаго Князя все время сопровождали небольшая свита и я. Прощаясь, Великій Князь изволилъ милостиво благодарить меня за свѣдѣнія по исторіи Глубокскаго храма и нѣкоторыхъ здѣшнихъ древнихъ памятниковъ.

Богъ да хранитъ Его Императорское Высочество на всѣхъ путяхъ его жизни!

С. Григоровичи, Вилен. губ.

29 іюня въ селѣ Григоровичахъ, Дисненскаго уѣзда, было великое торжество. Церковь праздновала свой храмовой праздникъ, на которомъ литургія и молебень были совершены Высокопреосвященнымъ Тихономъ, Архіепископомъ Литовскимъ и Виленскимъ. Вѣсть о намѣреніи Владыки посѣтить Григоровичи была получена за два дня до праздника. За эти два дня прихожане успѣли украсить внутренность храма вѣнками изъ живыхъ цвѣтовъ, а предъ храмомъ была устроена красивая арка. 29 іюня съ ранняго утра сталъ собираться народъ для встрѣчи своего Архипастыря. Погода стояла ясная. Небо какъ бы радовалось единенію Архипастыря съ народомъ. Къ 10 час. утра братчики съ крестнымъ ходомъ устроились въ оградѣ для встрѣчи Владыки. Скоро прибылъ и Владыка. Церковный староста встрѣтилъ его съ хлѣбомъ-солью, а настоятель церкви, свящ. П. Анопъ—краткой привѣтственной рѣчью. Народу собралось видимо-невидимо. Скоро началась литургія. Сослужили Владыкѣ мѣстные благочинный и настоятель церкви. На правомъ клиросѣ пѣли пѣвчіе изъ Дисны, а на лѣвомъ мѣстные. Послѣ запричастнаго стиха свящ. П. Анопъ произнесъ слово о достоподражаемыхъ свойствахъ и подвигахъ св. апостоловъ Петра и Павла. Въ концѣ литургіи проповѣдывалъ самъ Владыка. Въ своемъ словѣ Владыка высказалъ радость, что Богъ сподобилъ его совершить богослуженіе въ Григоровичахъ, гдѣ никогда архіерейская служба не совершалась; указалъ на высоту ученія и жизни св. Апостоловъ и приглашалъ прихожанъ слушать своего пастыря, какъ продолжателя Апостольскаго служенія.

Послѣ литургіи былъ отслуженъ молебень съ крестнымъ ходомъ вокругъ храма, а по окончаніи Богослуженія Владыка долго благословлялъ народъ. Изъ церкви вышли въ два часа дня. Владыка посѣтилъ домъ мѣстнаго настоятеля, гдѣ совмѣстно съ собравшимися гостями откушалъ хлѣба-соли, а въ 5 часовъ отбылъ въ Дисну.

Архіерейское служеніе и доброта Архипастыря глубоко запечатлѣлись въ сердцахъ прихожанъ, благодарная память о добромъ и ласковомъ Владыкѣ надолго въ нихъ сохранится.

Да хранить Господь Архипастыря на многія лѣта!

Свящ. П. Анопъ.

По школамъ въ мѣста эвакуаціи.

(Окончаніе).

Въ село Липны я посланъ былъ своимъ начальствомъ для производства экзаменовъ. Экзамены продолжались двѣ недѣли, за каковой срокъ я хорошо могъ ознакомиться съ жизнью учениковъ на чужбинѣ и вынесъ отъ видѣннаго и слышаннаго пріятное впечатлѣніе.

Человѣкъ, говорятъ, ко всему привыкаетъ. Привыкли и наши ученики къ своему горю, сроднились съ нимъ, пережили его остроту,—такъ что на первый взглядъ не было замѣтно, что въ Липнахъ живутъ бѣженцы, отбившіеся отъ родной семьи, изъ коихъ иные и не знали про судьбу своихъ отцовъ и матерей—въ плѣну ли они у нѣмца, или удачно убѣжали и живутъ гдѣ нибудь по глухимъ уголкамъ родной Россіи. Жизнь учениковъ шла, можно сказать, по нормальному для школы руслу.—По утрамъ я слышалъ «молитву» учениковъ. Гремѣла затѣмъ чайная посуда. Чай предлагался ученикамъ съ простымъ хлѣбомъ: булки можно было достать рѣдко, да и то изъ-далека,—не стоило; вмѣсто сахара давался сахарный песокъ, кипяткомъ для чая брался изъ общаго куба. Послѣ чаепитія ученики второго класса шли на уроки, а третьяго—разбредались, если не было экзамена, по разнымъ уголкамъ съ книжками и подзубривали положенное программю. Кто сидѣлъ въ тѣни за школьной стѣной, кто ходилъ взадъ и впередъ по зеленой травкѣ, кто ютился въ классѣ,—а нерѣдко можно было натолкнуться и на одиночную фигуру, вслухъ провѣряющую себя въ знаніи программы. Если же былъ день экзамена, въ 10 часовъ утра всѣ ученики были на мѣстахъ и ожидали насъ. Такъ день незамѣтно докатывался до обѣда. Послѣ него ученики затѣвали частенько игры въ какія-то палочки, или же отдыхали кто гдѣ и какъ хотѣлъ, пока часовая стрѣлка не показывала, что пора снова «подзубрить»; и опять ученики уединялись, опять виднѣлись одиночныя фигуры и слышалась монотонная повторка того или иного учебнаго предмета.

Пробовалъ я заговаривать съ учениками. Въ бесѣду они вступали весьма охотно, выражаются по-русски вполнѣ правильно; робости почти не замѣтно. Въ бесѣдѣ обнаруживаютъ знакомство съ событіями нашей жизни общественной, хотя, конечно, поверх-

ностное, а многого не знали совсѣмъ. Больше всего ихъ интересовалъ вопросъ о преобразованіи нашей второклассной школы въ учительскую семинарію, и вообще ученики болѣе живо отнѣсились къ дѣламъ чисто академическаго характера. И неудивительно: вѣдь жизнь каждаго вообще ученика рѣдко выходитъ за предѣлы своего я и личныхъ интересовъ, первый и главный предметъ его вниманія—школа и урокъ къ завтрашнему дню, какой надо приготовить на случай вопроса. А особенно во время экзаменовъ! Если ученики высшей школы въ періодъ экзаменаціонной горячки запираются въ своихъ клѣткахъ и отдаются зубрежкѣ, то тѣмъ болѣе естественно, что и наши ученики въ тотъ же періодъ запираются въ себя, какъ улитка, сосредоточивая всѣ силы на завтрашнемъ экзаменѣ. «Некогда интересоваться явленіями нашей общественной жизни: сначала мое, личное, то, что непосредственно касается меня, потомъ, когда мой умъ окрѣпнетъ и душа закалится, я научусь разбираться и въ явленіяхъ жизни общественной». И мнѣ нравился откровенный отвѣтъ учениковъ: «некогда читать». Въ немъ проглядывало сознательное разумѣніе своей прямой обязанности, пониманіе условій борьбы за свое существованіе. Сама по себѣ рѣчь учениковъ была нетороплива, дѣловита. Бросалась въ глаза здравая логика сужденій, отсутствіе фразерства и рисовки; держались ученики просто и естественно—сами собой, такими, какъ они были и на самомъ дѣлѣ. Не было замѣтно стремленія щегольнуть обрывками знаній по разнымъ отраслямъ, видѣлись люди съ свѣжимъ здоровымъ умомъ и неиспорченной еще душой, люди, не «искалѣченные цивилизаціей», какъ говоритъ Чеховъ.

Къ вечеру и учительская корпорація выползала изъ своихъ квартиръ на предшкольную площадку. Занималась единственная скамейка; кому не было мѣста, усаживался на перилахъ крыльца, или прямо на ступенькахъ. Начиналась бесѣда, обрывчатая, на разныя темы. Вешнее солнышко припекало наши лица; въ воздухѣ разливалась свѣжесть; обиліе кислорода поднимало настроеніе: мысль скакала какъ бѣлка и не могла установиться на опредѣленной колеѣ... Почуявъ человѣческіе голоса, вылѣзали изъ подъ крыльца двѣ собаки—пріемыши школы. Одна большая, изъ породы сибирскихъ лаекъ—эскимоска; другая—подростокъ, жучка. Жучка не понимала солидности стараго эскимоса, его желанія отдохнуть калачикомъ, набрасывалась на него, сбивала его на бокъ, и не много проходило времени, какъ эти два друга играли,

принимая самые затѣйливые клубки и позы. На время наша кампанія получала развлеченіе, и мысль удалялась въ сторону. Глядя на эскимоску, я припоминалъ далекую Сибирь, обширную, могучую, никогда не знавшую рабства. Проходила въ памяти громадная тайга, припоминались рассказы крестьянъ о медвѣдяхъ и той услугѣ, какую оказываютъ въ охотѣ на нихъ лайки.. И мнѣ захотѣлось приласкать эскимоску...

Частенько наша компанія отправлялась въ сосѣдній лѣсокъ, на рѣчку. Веселая, извилистая лѣсная рѣчка полна воды; идутъ по ней плоты, цѣпляются о прибрежныя мели, кружатся въ омутахъ. Застрянетъ какойнибудь плотъ и стоитъ безъ движенія, пока сверху не найдетъ на него другой; съ силой ударить онъ застрявшаго товарища, отобьетъ его отъ берега, и оба, свободные, поползутъ дальше. Прибрежныя кусты шуршатъ своими вѣтками о бревна и долго качаются надъ водой, пока время не приведетъ ихъ въ состояніе покоя. Хорошо бываетъ на рѣкѣ! То слышатся зычные, издали перекликающіеся, голоса, то вѣтерокъ приносить до уха лѣсную пѣсню.. Вонъ пчела полетѣла на отдыхъ, комаръ затянулъ въ свою дудку; поползъ муравей съ соломинкой къ норѣ: вонъ селезень полетѣлъ надъ нами, посвистывая крыльями; раздался выстрѣлъ охотника, подхватило его лѣсное эхо и долго долго играло съ нимъ, пока не спряталось гдѣ-то далеко за верхушками угрюмаго лѣса... Вездѣ движеніе, всюду жизнь реальная, правдивая, безъ сновъ и мечтательныхъ грезъ.

Пробовали мы заниматься и «ловитвой рыбы». Но, можетъ быть, мы не такъ дѣлали удочки, или выбирали не тѣ мѣста, а можетъ быть не хватало намъ выдержки и терпѣнія,—только эта апостольская работка намъ не удавалась. Сидишь, бывало, нѣсколько часовъ подъ рядъ и смотришь на поплавокъ, дожидаясь, когда заиграетъ рыбка и клонетъ. Отъ скуки посмотришь на свое отраженіе въ водѣ—рябая волна придаетъ ему самую уродливую форму. Станетъ самому смѣшно; махнешь рукой и «обратишься вспать».

Въ праздничные дни ученикамъ вмѣнялось въ непремѣнную обязанность посѣщать богослуженіе въ мѣстномъ храмѣ. Впрочемъ, о вмѣненіи говорить не приходится: ученики сами великолѣпно понимали, что богослуженіе также необходимо для души, какъ свѣжій воздухъ для тѣла. Ходили въ храмъ къ началу службы, занимали правый клиросъ и пѣли, иногда читали. Учительская корпорація считала также обязательнымъ для себя быть въ церкви.

Я съ удовольствіемъ замѣтилъ, что между учащими и учениками никакихъ преній не было: учащій элементъ пользовался полнымъ авторитетомъ, коему ученики подчинялись сознательно, безъ понуканій и давленій—свободно.

Такъ и проходили дни за днями. Экзамены шли своимъ чередомъ и подходили къ концу. Мы иногда ходили въ лѣсокъ; ученики по-прежнему уединялись и подчитывали къ экзаменамъ. Проходилъ трудовой для нихъ день: вечеромъ слышалась молитва; въ одиннадцать часовъ тушились они, и ученическій корпусъ погружался въ сонъ. Вскорѣ и мы расходились по своимъ мѣстамъ. Я прочитывалъ письменныя работы учениковъ, иногда интересовался библиотечнымъ шкафомъ, пока не уставалъ. Потомъ и я ложился: морфей закрывалъ мои глаза...

Взойдетъ завтра солнышко, и убѣжитъ сонъ отъ его сіянія; встанетъ человекъ снова «на дѣланія своя до вечера». Чѣмъ-то кончится «завтра» для нашихъ питомцевъ? Какъ пройдетъ экзамень?—Помоги имъ, Господь!..

Обычная экзаменаціонная обстановка. Обязательный зеленый столъ; нѣсколько стульевъ; пачка билетовъ на столъ.... Ученики сидятъ на партахъ и ждуть. Вызываютъ «съ конца». Подходить вызванный, неловко кланяется, беретъ нѣсколько дрожащей рукой билетикъ, смотритъ на него, потомъ въ программу и начинаетъ думать... Очевидно, вспомнилъ свой билетъ; глаза заискрились, началъ отвѣчать...

Я съ большимъ удовольствіемъ отгнѣню здѣсь, что отвѣты учениковъ были болѣе чѣмъ удовлетворительны по всѣмъ предметамъ. И не только были хороши отвѣты на вопросы «изъ книжки», какая содержала въ себѣ весь курсъ предмета и обычно была не толще мизинца,—вопросы предлагались сторонніе, на которые ученикъ долженъ былъ искать отвѣта только въ своей головѣ, покопавшись въ архивъ своихъ знаній и извѣстнымъ образомъ скомбинировавъ ихъ. Такіе вопросы ничуть не стѣсняли ученика,—наоборотъ—онъ ждалъ ихъ и даже хотѣлъ. При такомъ вопросѣ лицо ученика оживлялось; видно было, что мысль спѣшно работала, что отвѣтъ она нашла и сейчасъ выльетъ его наружу въ потокъ словъ. А это—первый признакъ успѣха, первое доказательство разумнаго усвоенія предмета, ибо при такомъ усвоеніи нѣтъ мѣста безсознательному пустословію и механической долбнѣ! Особенно охотно отвѣчали ученики на такіе вопросы изъ области классической родной литературы Пушкинскаго періода.

Конечно, программа нашихъ второклассныхъ школъ не велика, ибо трехгодичный курсъ малъ, соотвѣтственно чему мало и его внутреннее содержаніе, въ частности, и по литературѣ. Но дѣло не одномъ количествѣ, какъ говорятъ опытные люди. Хорошій учитель и малую программу можетъ использовать съ лихвой, выжавъ изъ нея самые цѣнные питательные соки. А вѣдь наша классическая литература, какъ ни одна въ мірѣ, богата такими соками. Умѣй только выжимать. Тамъ примѣры національной чести и гордости, тамъ—смерть за родину и «вѣру», тамъ благородный смѣхъ и веселая улыбка, тамъ болѣзненная безотчетная тоска и муки раскаянія, и ѣдкая горечь пессимизма; тамъ—вся наша великая и мелочная жизнь, «выставленная силою неумолимаго рѣзца на всенародныя очи»... Умѣй только понять эту жизнь; нравственнымъ чутьемъ и умственнымъ тактомъ бери то, что достойно вниманія, выбрасывай изъ корзины жизни негодное, какъ ненужный хламъ, разсортируй оставшееся, приведи въ порядокъ и въ видѣ готоваго образца представь умственному зору ученика примѣрную теорію жизни, ея основной принципъ. Если же къ этому ты призовешь на помощь и свѣтъ Евангельской Истины, то дашь своему временному принципу отгнѣнокъ вѣчности и возведешь его на степень жизненной догмы. И пусть эта великая вѣчная догма служить нашимъ руководящимъ факеломъ, пусть будетъ въ ней критерій цѣнности каждаго предмета—она сочетаетъ отдѣльныя науки въ общій гармоничный аккордъ въ гимнѣ живой любви къ Богу!

Какъ бы ни былъ недостаточенъ трехгодичный курсъ для полученія болѣе основательной подготовки,—все таки и за этотъ короткій срокъ наши ученики успѣваютъ заложить въ себѣ прочный фундаментъ для дальнѣйшаго самообразования. За три года путемъ знакомства съ естественными науками приобрѣтаются главнѣйшія знанія изъ этой области, а учебные предметы гуманитарные приподнимаютъ юношескую душу, взбудораживаютъ, такъ сказать, ихъ психическую почву, взрываютъ ее, и бросаются туда добрыя сѣмена... Дѣло будущаго—вырастутъ ли эти сѣмена въ цвѣтокъ добродѣтели, или заглохнутъ; но школа, бросая эти сѣмена, слѣдитъ за всходомъ ихъ, ухаживаетъ за ними, ограждая отъ вредныхъ вліяній и даетъ толчокъ къ ихъ дальнѣйшему росту. Правда, наша школа не даетъ диплома и правъ хотя бы на учителя. Ученикъ, выходя отъ насъ, остается какъ бы на перепутьи, въ тяжеломъ раздумьѣ, куда итти и гдѣ приложить свои силы и то, что

дала ему школа; и бываетъ нерѣдко, что ученикъ вступаетъ на ложный путь; но самое важное, что требуется отъ школы—расширеніе духовнаго кругозора ученика, развитіе нравственнаго чутья и умственнаго такта сдѣланы, значить, путь, по какому долженъ идти ученикъ, какъ личность, указанъ. Впрочемъ, за послѣднее время Синодальный Училищный Совѣтъ рѣшилъ преобразовать второклассныя школы въ спеціальныя учительскія семинаріи. Тогда не будетъ мѣста перепутью и раздумью. Нечего и говорить, что эта долгожданная реформа какъ разъ кстати и встрѣтится она нашими учениками съ большою благодарностью. Дай же Богъ!

Настало 5 мая. Послѣдній экзамень и актъ. Лица учениковъ немного осунулись отъ непрерывной двухнедѣльной читки; но сознаніе, что скоро все кончится, придавало энергію, веселило. Экзамень прошелъ по обыкновенію хорошо. Сдѣлали часовую передышку. Ученики вынесли зеленый столъ изъ класса и приготовились къ молебну. И вотъ, вмѣсто оффиціального отвѣта экзаменующагося, въ классѣ полились свободные и легкіе звуки молитвы. Легко чувствовалось, припоминались своя юность, свои переживанія экзаменовъ и акта. Какъ это далеко осталось позади! Гдѣ ты, золотая юность, и гдѣ мечты твои?..

Окончился молебенъ. Я сталъ раздавать свидѣтельства. Каждый подходилъ самъ и довольный бралъ эту оцѣнку своихъ трехлѣтнихъ трудовъ. Затѣмъ я поздравилъ учениковъ съ успѣшнымъ окончаніемъ курса и сказалъ имъ нѣсколько словъ. Внимательно слушали ученики; видно было, что мои слова падали на добрую почву.

Весь остальной день ученики собирали свои пожитки. Въ классахъ, столовой и спальной валялись клочки бумаги, соръ, обычный въ такихъ случаяхъ беспорядокъ. Къ вечеру ученики сдали книги. Въ

послѣдніе свободные часы они пѣли хоровыя пѣсни, веселились, какъ умѣли. Затѣмъ простились съ нами. Рано утромъ слѣдующаго дня былъ назначень отъѣздъ.

Я стоялъ у окна учительской комнаты. Со второго этажа мнѣ было видно, какъ ученики таскали на возы свои вещи. Вотъ уложили; извозчики тронули лошадей; толпа учениковъ пошла за ними пѣшкомъ. Часто оглядывались они на школу. Вонъ взошли на пригорокъ и обернулись лицами назадъ.. Глядятъ на случайно пріютившее ихъ зданіе... Что думаютъ? Вонъ завернули за сосѣдній кустарникъ, въ послѣдній разъ оглянулись на школу и скрылись. Безотчетно жаль мнѣ стало этихъ молодыхъ лицъ. О, молодость! Какъ часто не удаются твои порывы, какъ часто жизнь сурово разбиваетъ ихъ о свои желѣзные законы: полетятъ отъ нихъ осколки, какъ отъ разбитаго хрустала, полетятъ въ разныя стороны, пока не упадутъ въ темный уголокъ и не покроются тамъ пылью... Добрый вамъ путь, милые юноши, храните завѣты школы и не забывайте Бога! А Ты, Господи, отстрани отъ нихъ рубище жизни и покажи имъ ея порфиру. Пусть жизнь покажется имъ во всей ея чарующей прелести, и духъ сомнѣнія пусть не коснется ихъ юныхъ душъ. Пусть они поймутъ тебя, Создателя міра, и всѣми силами своей души стремятся къ единенію съ Тобой!

Свящ. І. Шевалеевскій.

За редактора протоіерей В. Знаменскій.